

Александр Скокан:

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Моск. пресвд. - 2001 - 19 июня - с. 12

Вокруг архитекторов слишком много... «снайперов»

- Александр Андреевич, говоря о проблемах сохранения исторического центра Москвы нельзя объять необъятное. А потому давайте выделим хотя бы один принцип, которого уже много лет последовательно придерживается руководимая Вами мастерская. Я имею в виду «стратегическую линию» на так называемый средовой подход к сложившейся застройке. В чем особенность такой политики?

- Средовой подход к проблеме реконструкции исторической городской среды был «фирменным блюдом» нашего Бюро лет 10 тому назад, когда это было чем-то новым для московской архитектурной практики. С тех пор этот подход, с одной стороны, прочно укоренился в профессиональном сознании, с другой - стал вполне расхожим местом. Тем не менее, мы не отказываемся от него, считая, что среда, или окружение, не могут не влиять на новое здание. Однако это отнюдь не скрывает индивидуального авторского прочтения тех требований и ограничений, которые накладывает существующая среда на объемное и архитектурное решение встраиваемых в нее зданий.

- Как и когда возникла (сформировалась) идея бережного отношения к старой исторической застройке?

- Лет 20 или больше тому назад было общепринято, когда практикующие архитекторы, как правило, еще и замечательные акварелисты и рисовальщики, свой досуг отдавали этюдам «уходящей старины», а на работе проектировали здания и ансамбли, безжалостно эту старину уничтожавшие. Впрочем, это раздвоение личности было характерно для нашего общества тех времен, когда вечером на кухне говорилось одно, а днем делалось совсем другое. Поэтому, когда в общественном сознании сформировалась реальная потребность в сохранении исторической городской среды, многие архитекторы откликнулись на эту задачу, радостно и искренне преодолевая разлад между личным пристрастием и общественной необходимостью. Но не все оказались достаточно для этого профессионально подготовлены.

- Что Вы имеете в виду?

- То, что успехов на этом поприще, на мой взгляд, к сожалению, очень мало. Зато заметно продвинулась и развилась бюрократическая часть этого процесса. Внедрились в практику исторические и ландшафтно-визуальные исследования, стало обязательным соблюдение необходимых регламентов и следование так называемым морфотипам застройки, проекты проходят через согласование многочисленных советов, комиссий, совещаний, экспертиз и прочее.

- Но разве это плохо? Значит, на Остоженке уже не появится «кукуруза» вроде здания Верховного суда на Поварской или не всплывет еще один «броненосец» Центробанка, запершего

Александр Андреевич Скокан, член-корреспондент Российской и Международной академии архитектуры, директор Архитектурного бюро «Остоженка» - один из самых заметных зодчих столицы последнего десятилетия. Многие его проекты, постройки стали победителями престижных конкурсов, смотров и рейтингов. Среди коллег он известен как автор интересных градостроительных разработок, например: первой в начале 90-х концепции единой комплексной реконструкции района Остоженки. Александр Андреевич несколько лет является членом комиссии по профессиональной этике при Московском Союзе Архитекторов.

Как достичь компромисса между долгом мастера перед потомками, хозяйственными нуждами города и интересами денежных тузов? Не на все эти вопросы сегодня есть точные рецепты. И все же...

вид с Пятницкой улицы на Кремль.

- Нет, к сожалению, вся эта изощренная система согласований не гарантирует нас от градостроительных ошибок, псевдоисторических подделок или просто нелепых по своей архитектуре зданий.

Кроме того, нас еще всем этим приучают строить здания, главное достоинство которых заключается в том, что они... практически ниоткуда не видны.

- То есть?

- Ситуация напоминает сцену из детективного фильма, когда жертва, окруженная снайперами, пытается проскользнуть между красными лучами их лазерных прицелов. В таком же положении оказывается архитектор, пытающийся протиснуться со своим проектом между лучами видовых «прострелов» и ни разу не попасть под прицел специалистов ландшафтно-визуального анализа. В результате этих ухищрений часто появляются здания, странная форма которых объяснима только тем, что она вписана в рамки этих ограничений и, следовательно, ни с каких важных точек не видна.

- Но ведь это естественно?

- С одной стороны, безусловно. Но Москва имеет очень сложную планировочную структуру и, кроме того, весьма неоднородна по плотности и этажности. Поэтому, в отличие от городов с более простой структурой, как, например, Петербург, регламентировать у нас высотные параметры новой застройки очень трудно - все равно откуда-нибудь что-нибудь закроет или на что-то наложится.

- Вывод-то какой? Может, ничего нового не строить?

- Не строить нового нельзя. Наш город - живой организм, а не музей под открытым небом.

- Согласна. И все же как быть со «снайперами» регламентных ограничений? Очевидно, истина где-то посередине?

- Да, с одной стороны, можно радоваться, что в Москве появились профессиональные визуальные специалисты. Но архитектурное произведение имеет свою логику построения, далеко не всегда совпадающую с логикой визуального анализа. Думаю, в каждом конкретном случае нужно искать взвешенный градостроительный компромисс.

- И все же «историки» со своими рекомендациями возникают на пути архитектора уже после того, как явится хозяин №1 - инвестор.

- Да, действительно, инвестор со своим коммерческим интересом является сегодня инициатором и двигателем строительного процесса. Инвестор - это деньги. А деньги - стихия, подобная воде, которая просочится всюду, если на ее пути не возвышится непреодолимых плотин. Или, что реальнее и практичнее, дать ей другое приемлемое и учитывающее ее свойства выгодное направление. Для архитектора проще согласовать здание, соответствующее всем предписаниям согласующих инстанций. Но, как правило, это не устраивает инвестора, т.к. эти параметры не обеспечивают ему коммерческой выгоды.

- Можно, наверное, отказаться от заказа? Бывают предложения абсолютно неприемлемые для совестливого исполнителя. Так, например, упомянутая глыба Центробанка, где уже идет пристройка второй очереди... Но при «штучном» строительстве разве можно отдавать родной район бездушному коллеге? Уж лучше самому хоть как-то смягчить принятое решение?

- Смягчить ситуацию, как я уже говорил, сегодня можно только пристраивая заказанные квадратные метры в самых странных комбинациях. Но есть и еще один путь: инвесторы, желающие строить в исторической среде, должны иметь определенные льготы за то, что готовы соблюдать правила и регламенты, ограничивающие их коммерческие аппетиты в особо охраняемой зоне.

- А по-моему, инвестор и льготы «скушает», и преспевую шестизатжку вместо трехзатжки протолкнет... Вам приходилось отказываться от предложений, которые казались неприемлемыми?

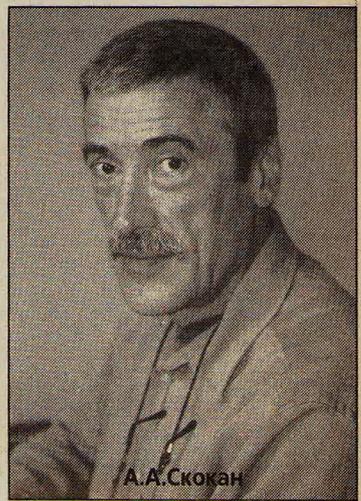
- Конечно, как и, наверное, другим моим коллегам. Но это, естественно, не означает, что здание, с моей точки зрения неприемлемое, не будет построено.

- А какое новое строительство в охранных зонах можно считать возможным? И каким оно должно быть?

- Это сложный вопрос. О новом строительстве мы уже немного поговорили, а что касается реконструкции существующих исторических зданий, то большинство из них находится в плачевном техническом состоянии. И серьезной реконструкции, с приспособлением их к современным функциональным требованиям, они просто не выдержат.

- И тогда появляется знаменитая формулировка о «реставрации со сносом»?

- К сожалению, нередко это действительно техническая или коммерческая неизбежность. Но ведь при этом происходит потеря истинной ценности - подлинности застройки, которую не заменит никакая подделка. Во всем цивилизованном мире при любой возможности встраивают в новоделью хотя бы фрагменты старины. Толь-

А.А.Скокан

ко не у нас: инвестор всегда убедит заказчика, что новый дом содержать куда дешевле. К сожалению, Управление охраны памятников тоже не всегда выступает против перевоссоздания.

- Говорят, есть такие понятия - гений места, память места. По-вашему, они существуют?

- Конечно. Но дух места живет в настоящих исторических стенах. Мы уже научились ценить антиквариат в интерьере и отличать разницу между ценностью истинно старинных вещей и их имитацией. Но до понимания этого на уровне города мы, похоже, еще не выросли. А может, это врожденный дефект нашей культуры... В результате возникает опасная иллюзия, что все может быть разрушено, а если нужно - воссоздано заново. Так лет через 20 мы можем оказаться в городе декораций.

- Или в незнакомом городе? На Новослободской, например, появился огромный центр Мейерхольда, рядом возводятся банк...

- Хороший пример. Я регулярно езжу по этой улице и наблюдаю, как строится новый банк по проекту известного архитектора А. Р. Ахмедова. И хотя мне не близка стилистика этого здания, мне профессионально интересно, как маэстро ведет диалог с окружающей застройкой, градостроительной ситуацией, мне понятна логика создания архитектурной формы. Что же касается здания центра Мейерхольда, то мотивы его формообразования для меня менее очевидны.

- Значит, у домов, улиц, переулков есть свой особый язык?

- Есть. Это вообще очень интересный сюжет - дом в обществе соседей, их диалог, их взаимоотношения.

- Рядом с огромным офисно-культурным центром Галины Вишневской вы возвели небольшое здание с прозрачным эркером, и оно вовсе не теряется на фоне массивного соседа...

- Я считаю, что средой является не только историческая застройка, но и недавно возведенная, вне зависимости от того, нравится она нам или нет. Это реальность, и ты должен в нее вписаться и сказать свое слово, иногда даже воспользовавшись неловкостью соседа. Среда - это общество зданий, архитектурных объектов. А правильное поведение в обществе - это адекватные реакции на окружение: в одном случае ловко ввернутое словцо будет уместным, в другом - покажется хамством. Я называю умение войти в контекст застройки средовой вежливостью архитектуры.

- То есть, на улице нельзя являться с готовым решением, а вначале надо постараться «поговорить» с ней, понять ее характер и душу и только потом решать, что строить?

- Думаю, что так.

Беседовала Алла Шугайкина

